

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ СПЕЦПОСЕЛКИ

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ, одна из наиболее массовых категорий в составе т. н. спецконтингентов сталинской эпохи, возникшая в результате осуществления в деревне репрес. политики в форме «раскулачивания» в нач. 1930 и просуществовавшая до сер. 1950-х гг. Термин «С.» претерпел за этот период значит. трансформацию, отражая особенности правительств. политики по отношению к различ. группам крест-ва, высланным во внесудеб. порядке из мест прежнего проживания в специально определенные пункты (территории) под надзор спецорганов. С нач. осуществления *депортации* крест. семей, санкционир. пост. Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 янв. 1930 и пост. ЦИК и СНК ССР от 1 февр. 1930, в офиц. документации использовались названия 3 групп репрессир. крест-ва: «кулаки первой категории» (арест, лишение свободы – тюрьма, лагерь, расстрел); «кулаки второй категории», «кулаки-выселенцы» (высылка в отдален. территории); «кулаки третьей категории», «кулаки -расселенцы» (высылка в пределах р-на (округа) проживания). Две правительств. комиссии (республиканская под рук-вом наркома внутр. дел РСФСР В.Н. Толмачева, всесоюзная под рук-вом зам. пред. СНК ССР В.В. Шмидта) для унификации ввели вначале термин «кулаки-переселенцы», а с июня 1930 стал официально использоваться термин «С.», в чем усматривалось стремление связать воедино процессы плановых и принуд. миграций крест-ва. Принятая терминология носила устойчивый хар-р, и даже введение весной 1933 в связи с модификацией депортац. политики (неудавшийся опыт распространения модели массовой высылки крест-ва на маргинал. гор. группы) новой карат. дефиниции «трудпоселенцы» с соотв. переименованием в них С., привело к сосуществованию и параллельному использованию этих терминов в офиц. документации вплоть до сер. 1930-х гг. После массового пополнения «спецссылки» этнич. «контингентами» термин «С.» был заимствован для обозначения большинства этнич. депортантов. Пост. СНК ССР от 8 янв. 1945 дефиниции «С.» было возвращено универс. значение. На рубеже 1940–50-х гг. ссыльный «спецконтингент» насчитывал св. 30 групп (категорий, «окрасок учета»). Наряду с термином «С.» стал столь же широко употребляемым и термин «спецпоселенцы». В совр. ист. литературе для универс. обозначения депортированных и размещенных на спецпоселение групп используется термин «с/пос.» либо «с/пер.». В историографии сформировалась и была в целом признана след. периодизация формирования и эволюции института спецпереселений, и, соотв., системы спецпоселений. 1-й период (становление) охватывал нач. 1930 –сер. 1933 и включал 3 волны массовых депортаций (2 крестьянские – в 1930 и 1931, а также смешанную, с преобладанием гор. маргиналов – весна–лето 1933). Тогда были директивно определены регионы массовых спецпоселений (север европ. части страны, Урал, Сибирь, Казахстан). Ссылка на поселение носила преим. соц. направленность, этнич. компонент не имел приоритет. значения. 2-й период (упрочение) – 1933–39, когда система укреплялась на собств. основе за счет внутр. источников. Рубежом стал 1935 (законодат. запрещение выхода из поселений, прекращение процесса депопуляции и нач. в ограниченных масштабах депортаций по этнич. (этнотерритор., этносоц.) признаку). 3-й период (трансформация) пришелся на Вторую мировую войну, когда облик спецссылки определяли этнич. С. («наказанные народы»). В 4-й период (эволюция) – 1946–53 – осуществлялись рост и усложнение, а затем стабилизация состава «спецконтингентов» с ужесточением режима содержания для этнич. групп при частичном его ослаблении для крест. семей, депортированных в 1930-е гг. 5-й период (ликвидация) занял 1954–56 – постепенно ликвидировались институт спецпереселений и система спецпоселений как таковая.

Спецпереселенцы крестьяне. Крест. ссылка – это не уголов. или полит. ссылка, а социальная по своему целевому назначению репрессия, на смену к-рой приходит этнич. ссылка. Крест. ссылка отличалась от ординар. процедур адм. (внесудеб.) высылки и

ссылки. Депортация крестьян являлась экстраординар. ссылкой, носившей бессрочный, семейный хар-р в соединении с принуд. трудом. Формально не лишаясь свободы, С. утрачивали 2 фундам. права (гражданское/политическое и право на свободу передвижения). Нахождение ссыльных крестьян во внеправовом поле создало удобный для власти законодат. вакуум, позволявший устанавливать и трансформировать статусные параметры С. под свои цели и задачи. Легитимность осуществления антикред. репрессий и статус С. определялись рядом гос. актов (пост. ЦИК и СНК ССР от 1 февр. 1930, санкционировавшее конфискацию имущества «кулаков» и их высылку из мест проживания; пост. Президиума ЦИК ССР от 3 июля 1931 о порядке восстановления высланных в гражд. правах; пост. ЦИК ССР от 25 янв. 1935 о запрещении выезда из мест поселения восстановленных в правах трудпоселенцев и др.). В отсутствие законодат. акта о спецпоселении режим содержания репрес. крестьян и чл. их семей определялся нормативными актами (приказами, инструкциями) спецслужб: принятое 25 окт. 1931 ОГПУ «Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев» действовало на протяжении десятилетия. Пик числ. С. в Сибири был достигнут осенью 1931. По данным спецорганов, с весны 1930 в комендатуры Зап. Сибири оказалось депортировано до 300 тыс. чел., в комендатуры Вост. Сибири – 86 тыс. чел. В последующие годы, за искл. 1933, когда была проведена целевая высылка маргинал. элементов, числ. С. в Зап. Сибири постепенно уменьшалась, стабилизовавшись во 2-й пол. 1930-х гг. Об этом свидетельствуют приведенные ниже сведения на 1 янв. каждого года: 1932 – 265 846 чел. (20,2 % С. страны), 1934 – 289 431 (27,0 %), 1936 – 219 657 (21,6 %), 1940 – 201 164 (20,2 %). Всего же за 1932–40 из 2 176 591 чел., прибывших в спецпоселки ССР, в регион поступило более 550 тыс. чел. Осн. факторами, определившими динамику числ. С. в условиях комендатур, являлись демографические (рождаемость и смертность) и поведенческие (бегство, освобождение). За этот период в комендатурах региона родилось ок. 48 тыс. детей, умерло 70,7 тыс. чел., бежало ок. 149 тыс., возвращено из бегов 60,6 тыс., освобождено как «неправильно высланных» 11,4 тыс., передано на иждивение родственникам 16,6 тыс. чел. По данным карат. статистики, на 1 апр. 1939 в трудпоселках страны в кач-ве учетного населения находилось 264 983 семьи (990 476 чел.). Дети и подростки до 16 лет (385 тыс. чел.) составляли в общей массе ок. 39%. На 1 семью приходилось в трудпоселках в ср. 1,46 детей (показатель детности). В Новосибирской обл., охватывавшей на тот момент территории 3 нынешних областей Зап. Сибири – Новосибирской, Томской и Кемеровской, проживало 48 897 семей (198 852 чел.), уд. вес детей и подростков достигал 42 %, ср. показатель детности – 1,7; в Омской обл. эти показатели составляли соотв. 9 467 (39 647 чел.), 40 %, 1,7; в Красноярском кр. – 14 699 (55 796 чел.), 38 %, 1,4; в Иркутской обл. – 7 907 (30 610 чел.), 36 %, 1,4; в Читинской обл. – 5 391 (21 628 чел.), 40 %, 1,6. Т. о., усредненная модель крест. семьи на поселении в канун войны была представлена семьей из супругов и 1–2 детей, т. е. внешне казалась относительно устойчивой. Однако масштабы демогр. катастрофы на поселении в 1-й пол. 1930-х гг., когда шел процесс депопуляции, и то, что возраст супругов увеличивался, делали данную модель «угасающей». На нач. стадии создания спецпоселений депортация осуществлялась органами ОГПУ, тогда как орг-ция спецпоселков, использование труда репрессированных и общий режим их содержания находились в ведении НКВД РСФСР и комендантских упр-ний (отделов) в регионах ссылки. После ликвидации респ. наркоматов внутр. дел функции упр-ния крест. ссылкой весной–летом 1931 перешли в ведение ГУЛАГ ОГПУ, в структуре к-рого был создан отдел спецпоселений. Органы ОГПУ–НКВД, благодаря предоставленному им праву контролировать труд. потенциал и распоряжаться сотнями тысяч репрессир. крестьян и др. групп «спецконтингента», в 1-й пол. 1930-х гг. заложили основы гигантского комендантурно-лагерного производств. комплекса. В ряде р-нов массового расселения С., в частн. в Сев. Казахстане, *Нарымском окр.* и ряде р-нов Кузбасса, спецорганы создали

своего рода экстерриториальные зоны с собственной системой жизнеобеспечения (торгово-снабженческая, школьная, медико-санитарная сети), практически неподконтрольные местным органам власти. В них переселенцы, превосходя по числу коренное население, составили основную контингент занятых в базовых отраслях экономики (с. х., кустарные промыслы, лесозаготовки и др.). С точки зрения репрессивных органов, С. представляли собой универсальный «рабсилу», подходящую для целей форсированной колонизации труднодоступных необжитых районов. Крестьяне быстрее адаптировались к экстремальным условиям, лучше вживались в местную природную и социальную среду, чем другие категории «спецконтингента», что наглядно показал провал акции по направлению в те же районы весной–летом 1933 групп рецидивистов и горно-деклассированных элементов (см. *Назинская трагедия*). Если высылка зимы–весны 1930 преследовала прежде всего репрессивно-изоляционные цели, а экономические стояли на 2-м месте, то высылки последующего времени осуществлялись с учетом экономических приоритетов, оказывая влияние на масштабы репрессий и географию размещения С. Экономические потребности определяли производственную специализацию комендатур. В отличие от Урала, где принудительный труд основной массы переселенцев использовался в промышленности и строительстве, в Западной Сибири две трети работоспособных С. были заняты в с. х. и на промыслах, где производственной формой организации труда выступала неуставная с.-х. артель под руководством коменданта поселка. Треть трудилась в индустриальном секторе (добыча угля, лесозаготовки, строительные работы и проч.). В Восточной Сибири ситуация оказалась сходной с уральской. Для минимизации расходов на содержание инфраструктуры спецпоселков и аппарата комендатур из заработной платы С. удерживались 25 % в 1930–31, 5 % с 1932. Производственная деятельность крестьян в комендатурах трактовалась спецорганами в категориях процесса «трудового перевоспитания бывшего кулачества». В 1-й половине 1930-х гг., на стадии формирования, крест. спецпоселения были убыточными. Во 2-й половине 1930-х гг. они стали органичной частью сталинской экономической модели, а результаты деятельности С. получили измерение в натуральной и стоимостной форме. Однако на протяжении почти всего десятилетия система принудительного труда существовала по особым правилам финансирования и отчетности. В частности, при оценках результатов работы отдела трудпоселений *Упр-ния НКВД по Западно-Сибирскому кр.* за 1930–37 указывалось, что созданные за период спецколонизации Нарымского кр. «ценности» на сумму в 217 млн руб. вдвое перекрыли производственные затраты (105 млн руб.), на основании чего делался вывод об «эффективности использования средств». Однако в данном случае показатели вложений в расселение и обустройство С. в начале 1930-х гг. сравнивались с результатами выполненных в последующие годы работ в стоимостном выражении, без учета инфляционных процессов, денежной эмисии. Долг неуставных артелей перед государством не уменьшался, а возрастал, хотя результаты производственной деятельности большинства неуставных артелей были сопоставимы с аналогичными показателями в колхозах или даже более высокими. По данным на 1937, доля «ударников» среди С., работавших в различных секторах экономики, в Западной Сибири достигала 10 %. Труд являлся не только основным источником существования (выживания) семей на поселении, но и единственной возможностью изменить статус с режимного на правовой (до 1935 для всех «передовиков», после – для групп молодежи). Не «перековка», а сочетание данных стимулов лежало в основе «трудовых успехов бывших кулаков», принудительный труд которых в основе своей не мог иметь позитивной мотивации. Об адаптивности крестьян к условиям поселения свидетельствовало также состояние производственного потенциала семей. На начало 1938 доля трудоспособного населения (от 16 до 60 лет) в комендатурах страны составляла 47,8 % от его общей численности. Из числа трудоспособных на работах было занято 84 %. В комендатурах сибирских регионов упомянутые выше показатели фиксировались след. образом: в Новосибирской обл. – 47,8 и 85,3 % соотв.; в Омской обл. – 46,3 и 80; в Красноярском кр. – 50 и 82,7; в Иркутской обл. – 43 и 86,8 %. Чем ниже был процент трудоспособного населения, тем интенсивнее оно использовалось. Там, где доля иждивенцев (дети, старики и нетрудоспособные другие возрасты) оказывалась выше доли занятого населения, выживаемость крест. семей напрямую зависела от вовлечения в сферу труда подростков от 14 лет и старше.

С трудом и не без потерь выйдя из 1-й демогр. катастрофы (1930–35), крест. семья пережила в годы войны 2-ю демогр. катастрофу (превышение смертности над рождаемостью), к-рая так и не была преодолена к нач. 1950-х гг. Демогр. структура крест. семьи деформировалась и деградировала в силу внешних (снятие с учета молодежи, воен. и труд. мобилизации и др.) и внутренних (уменьшение числа трудоспособных, а также женщин в репродукт. возрасте в результате естеств. старения населения) факторов. В сев. (нарымских) комендатурах Зап. Сибири в сер. 1932 находилось 25,7 % мужчин, 28,3% женщин и 46 % детей и подростков. В сер. 1938 среди трудпоселенцев в комендатурах ССР было 28,5 % мужчин, 30,1 % женщин и 41,4 % детей и подростков (отд. данных по регионам нет). Осенью 1941 в комендатурах Новосибирской обл. эти показатели составляли соотв. 26,3, 28,7 и 45,0 %, осенью 1943 на тер. нынешних Томской и Новосибирской обл. – 30, 35 и 35 %, летом 1949 в комендатурах Томской обл. – 25,4, 37,0 и 37,6 %. Если в 1932 (на входе в спецпоселение) на 48 788 семей в нарымских комендатурах приходилось 83 820 детей и подростков (соотношение 1:1,7), то в 1949 (на выходе из спецпоселений) это соотношение составило 1:0,9. В годы войны и особенно в послевоен. период окончательно закрепилась тенденция перехода функции главы семьи от взрослых мужчин к женщинам, выполнявшим тем самым не свойственную им соц. роль. В нач. 1930-х гг. в ссылку на поселение шли в осн. сложные крест. семьи, включавшие 3 поколения или 2 и более простые (нуклеарные) семьи. В последующем на смену сложным семьям приходили нуклеарные. При этом первоснова семьи, попавшей на поселение, оставалась по-прежнему неполной, где ролевая функция главы – мужчины (мужа) – вынужденно принадлежала женщине (жене) и взрослым детям. Такую же замещающую функцию выполняли трудоспособ. женщины и подростки в производств. сфере, и не только в воен., но и в послевоен. годы. Деградация демогр. и труд. потенциала крест. ссылки – цена репрес. варианта *раскрестьянивания*.

Этнические спецпереселенцы. В период Второй мировой войны в составе спецпереселенч. «контингента» происходят качеств. изменения. Крест-во, ранее составлявшее его большинство, постепенно отходит на 2-й план, уступая место большому кол-ву разных групп населения ССР. Возникшая тенденция формирования «спецссылки» по этнич., территориально-этнич. и этносоц. признакам наиболее ярко проявляется с нач. 1940-х гг. Такое положение потребовало изменений в нормативной базе, обеспечивавшей функционирование системы спецпоселений. С кон. 1939 эта система превратилась в конгломерат управляемых органами НКВД труд. и спец. поселков. В первых по-прежнему размещались «бывшие кулаки». Вторые населялись С. из областей Зап. Украины и Зап. Белоруссии, Молдавии и Прибалтики. В 1940–41 ранее существовавшие отдельно отделы трудовых (ОТП) и специальных (ОСП) поселений были объединены в единый отдел трудовых и специальных поселений (ОТСП). Однако функциональное разграничение в упр-нии «трудссылкой» и «спецссылкой» сохранилось. Для периода Великой Отечественной войны характерна тенденция к унификации режима, устанавливаемого для различ. «контингентов» С. В правовом отношении среди групп депортированных существенно выделялись только «бывшие польские граждане». После заключения 12 авг. 1941 пакта Сикорского–Майского и объявления амнистии они перестали считаться С. и получили статус граждан иностр. гос -ва. Правила, к-рыми следовало руководствоваться представителям мест. органов власти при вселении, труд. и хоз. устройстве вновь прибывавших «контингентов» и установлении режима их проживания, разрабатывались в спешке и рассылались на места незадолго до их появления. Четкой иерархической системы этнич. «спецссылки» в 1940-х гг. не сложилось. Причинами этого стали недостаток финанс. средств, мат. ресурсов, домов для вселения новых групп, а также нехватка квалицир. кадров в составе спецорганов, способных должным образом поддерживать режим. Со 2-й пол.

1941 меняется подход к принципам расселения С. В отличие от «кулаков», «осадников» и «беженцев», к-рые, как правило, селились изолированно в малонас. и необжитых местах (по отношению к ним в годы войны продолжали действовать прежние положения и инструкции), вновь прибывшие этнич. С. расселялись среди мест. населения, что требовало усложнения режимно-правового механизма. Во время войны С. поначалу не имели четкого правового статуса, не являясь ни заключенными, ни эвакуированными. В течение 1-х месяцев после высылки сов. немцы, размещенные в сел. местности, сохраняли относит. свободу передвижения. Однако распоряжением НКВД от 10 янв. 1942 передвижение «спецконтингента» запрещалось. Ареал проживания С. стал ограничиваться пределами р-на расселения. В ходе оформления нормативно-правовой базы спецпоселения и определения статуса депортированных происходило постепенное ужесточение режима. В нояб. 1942 на немцев, ссыльнопоселенцев и С. из Зап. Украины и Зап. Белоруссии, переселенных в р-ны Нарымского окр. В 1941–42, распространился режим, ранее существовавший для С. «кулаков». 22 дек. 1943 НКВД издал приказ № 001766 «Об организации комендатур спецпоселений УНКВД Алтайского, Красноярского краев, Новосибирской и Омской областей». Для усиления агентурно-оперативной работы, учета и наблюдения за труд. устройством С. ОТСП реформировывались в комендатуры спецпоселений. 7 февр. 1944 вступил в силу приказ Наркома внутр. Дел № 00127 «О введении в действие положения о районных и поселковых спецкомендатурах НКВД». На спецкомендатуры возлагались задачи агентурно-оперативного обслуживания С. по предупреждению побегов, розыску, выявлению антисов. и уголов. элементов, ведению агентур. разработок и дел, связанных с преступлениями, к-рые совершались С. Положение распространялось и на депортир. немцев и калмыков. В марте 1944 в результате реорганизации органов НКВД ОСП и ОТСП были преобразованы в отдел спецпоселений НКВД ССР, ставший самостоят. отделом, выведенным из системы ГУЛАГ НКВД. 8 янв. 1945 СНК ССР издал пост. «О правовом положении спецпереселенцев». В соотв. с ним «спецпереселенцы пользовались всеми правами граждан ССР», за искл. ряда ограничений, оговоренных в данном постановлении. Все трудоспособные С. обязывались заниматься общественно полезным трудом. За нарушения дисциплины С. привлекались к ответственности, не имели права под угрозой уголов. преследования без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы р-на расселения. Постановление закрепило складывавшуюся систему режима спецпоселений, определило порядок жизни С. и наказания за нарушение режима. Но правовой статус С. так и не был точно определен. Период с 1939 по 1945 характеризуется отсутствием единой режимной системы для С. Это связано с появлением большого кол-ва новых этнич. «контингентов», а также с особенностями воен. времени, не позволявшего разработать единую систему правил. Спецпереселенч. «контингенты», перемещенные в вост. регионы в 1940-х – нач. 1950-х гг., не были однородными. Внутри каждого из них постепенно создавалась иерархия статусов по возраст., проф., соц. категориям и степени интереса к ним властей. Для различ. учетных категорий, число которых в нач. 1950-х гг. превысило 30, предусматривался свой принцип учета, надзора, свой режим. Так, «бывшие польские граждане» – «осадники» и «беженцы» – даже расселялись в разных спецпоселках, «ссыльнопоселенцы» считались выселенными в судеб. порядке, для них предусматривался более строгий режим и т. д. В местах вселения статусные характеристики С. корректировались мест. органами власти, исходившими прежде всего из критерия их полезности (отношение к труду и способность к выполнению производств. норм). Нередко проблемы возникали с высланным гор. населением, не имеющим представления о с.-х. труде и склонным активно бороться за предоставление сносных условий существования и работы по специальности. Особо ценившейся категорией С. считались специалисты с. х. Они получали работу в первые же дни после вселения, пользовались различ. льготами. Если для периода крест. ссылки характерно особое отношение к молодежи, то в 1-й пол. 1940-х гг. директивные органы

рекомендовали отделам спецпоселений и комендантам в массовом порядке отказывать молодежи из числа этнодепортантов в их просьбах об отпуске на учебу в высш. и ср. - техн. учеб. заведения. Старики, дети, инвалиды и проч. нетрудоспособные или «ограниченно трудоспособные» С. выделялись в единую категорию иждивенцев. Неработающие получали мин. паек, однако в отд. случаях они должны были получать также пособия от комендатур. Инвалидов и детей рекомендовалось направлять в специализир. дома. На практике иждивенцы оказывались наиболее социально незащищенной категорией. К группе «социально опасных» С. относили тех, кто допускал резкие высказывания в отношении выселения, своего положения, гос. политики ССР и его перспектив в войне. Во время и после войны значит. усилия спецорганов направлялись на усиление агентурно-осведомительной работы среди «спецконтингентов». Чекистский надзор за ними осуществляли кадровый аппарат (на нач. 1953 – 10,7 тыс. чел.), а также агентура (33,5 тыс. чел.) и старшие десятидворок (94,2 тыс. чел.). Увеличение или уменьшение числа побегов из спецпоселков находилось в прямой зависимости от условий жизни на поселении и отлаженности надзорного аппарата. Профилактикой побегов, розыском бежавших и созданием «противопобеговой агентуры» ведали коменданты район. и поселковых комендатур. Район. спецкомендатуры располагались в район. центрах при район. отделах (РО) НКВД, причем нач. комендатуры был также зам. нач. РО НКВД по обслуживанию С. Район. комендатуры подчинялись отделам спец. поселений НКВД/УНКВД и ОСП ГУЛАГ НКВД ССР. Поселковые комендатуры дислоцировались в центрах расселения С. и подчинялись район. комендатурам, где их не было – РО НКВД.

В крест. ссылке 1930-х гг. состояние равновесия между рождаемостью и смертностью наступило после 5-летнего пребывания на спецпоселении. Для нем. этноса этот период неск. затянулся из-за условий войны и труд. мобилизаций и составил 7 лет. В 1945 на 1 рождение приходилось 3 смерти, в 1946 – 2, в 1947 – 1,7, в 1948 – 0,7 смертей. В 1949–50 рождения превысили смертность (3:1). Всего же с 1945 по 1950 в семьях депортированных сов. немцев родилось 92 763 ребенка, умерло 60 655 чел. (на 3 рождения 2 смертных случая). Это означало, что нем. этнос к нач. 1950-х гг. преодолел состояние депопуляции. Для калмыков адаптац. период занял 6 лет. В 1949 наступило равновесие показателей (1:1), в 1950 рождаемость превысила смертность: на 13 рождений пришлось 10 смертных случаев (1,3:1). В послевоен. 5-летие на спецпоселении аналог. трудности испытывала конфес. группа *истинно православных христиан* (ИПХ), представленная крест. рус. семьями, высланными в Сибирь в 1944 преим. из Рязанской обл. В 1946–53 осуществлялось постепенное снятие с учета спецпоселения в регионах, ранее бывших местами массовой крест. ссылки. В Томской обл. летом 1949 на учете оставалось 14 913 семей (36 241 чел.). Среди «бывших кулаков» мужчины составляли 25,4 %, женщины – 37,0, дети и подростки – 37,6 %. В Кемеровской обл. весной 1953 к моменту снятия с учета спецпоселения находилось 4 020 семей (11 487 чел.), в их числе мужчин было 27,8%, женщин – 40,0, детей и подростков – 32,2 %. Весной 1951 среди всех категорий учета «спецконтингента» на поселении в ССР доля взрослого населения составляла 64 %. Демогр. структура категори «бывших кулаков» в Зап. Сибири на момент снятия их с учета оставалась глубоко деформированной. Громадный (более 10 %) разрыв в представительстве мужчин и женщин и крайне низкий уд. вес детей и подростков свидетельствовал о том, что на поселении оставались в силу к.-л. причин не снятые с учета взрослые ср. и ст. возрастов и незначит. число детей (0,9 ребенка на семью в Томской обл., 0,5 ребенка – в Кемеровской обл.). Принуд. труд «спецконтингентов» широко применялся в различ. отраслях экономики. По данным на нач. 1950, из почти 1,5 млн С. ок. 700 тыс. чел. работали в аграр. секторе, 160,8 тыс. – в угольной пром-ти, 128,5 тыс. – в лесной и бумажной, до 210 тыс. чел. было занято на предприятиях в системе Мин-ва внутр. дел, в т. ч. 80,6 тыс. чел. – в золотоплатиновой пром-ти, 28,6 тыс. – на Дальстрое и в др. базовых отраслях народ. хоз-ва.

Доля репрессированных в экономике вост. регионов была настолько высокой, что Мин-во угольной пром-ти ССР препятствовало освобождению «бывших кулаков» из комендатур Кемеровской обл. вплоть до 1953.

Конфессиональные депортанты. Репрессии осуществлялись и по конфес. признаку. Если не считать небольшие группы «сектантов», высланных в 1930-е гг. в потоке сел. депортантов, то 1-й «целевой» категорией в данном ряду стала конфес. группа ИПХ. Согласно директивам НКВД ССР № 329–331 от 14 июля высылка осуществлялась из Рязанской, Орловской и Воронежской обл. Депортация затронула 537 хозяйств (1 673 чел.). По данным, приведенным В.Н. Земсковым, на поселение поступили 1 502 ИПХ, по др. сведениям, было выслано 1 460 чел. В Сибири местом расселения ИПХ–ИПЦ стали Красноярский кр., Тюменская и Томская обл. Первый период пребывания ИПХ на спецпоселении оказался наиболее тяжелым. С 1 янв. по 1 апр. 1945 из 1 405 ИПХ осталось 1 365 чел. Убыль дали умершие, бежавшие и отправленные в места заключения. После войны числ. ИПХ неуклонно уменьшалась, что было связано с низкой рождаемостью и высокой смертностью, а также с массовыми арестами и бегством. В 1945 в составе ИПХ на 1 родившегося пришлось 72 смертных случая (1:72), в 1946 это соотношение составило 1:26, в 1947 – 1:5, в 1948 – 1:10, 1949 – 1:7, в 1950 – 1:1. В общей сложности за 1945–50 среди ИПХ на 40 рождений пришлось 313 смертей (1:8). Еще одной конфес. группой, прибывшей на спецпоселение в 1951, являлись члены религ. орг-ции Свидетели Иеговы (СИ, иеговисты) с семьями. Высылка осуществлялась из Прибалтики, Молдавии и зап. областей Украины и Белоруссии. Во время депортации данную группу только в Молдавии выделяли в самостоят. учетную группу, в остальных регионах объединяли с «кулаками» и «андерсовцами». Расселение СИ осуществляли в Сибирском регионе. На 1 июля 1952 этот «контингент» насчитывал 9 389 чел., на 1 янв. 1953 – 9 363, на 1 янв. 1954 – 10 218 чел. Осн. масса была размещена в Иркутской (6 245 чел.) и Томской (3 118) обл. Среди СИ мужчины составляли 30 %, женщины – 40, дети – 30 %. Имея достаточно высокий процент взрослого муж. населения, иеговисты оказались адаптивными к условиям спецпоселения. Этой категории репрессированных удалось избежать стадии депопуляции. В последующие годы в условиях свертывания системы спецпоселений начался процесс снятия с посемейного учета детей до 16 лет, благодаря чему числ. данной учетной категории сократилась. На 1 янв. 1959 иеговистов осталось 5 107 чел. (3 415 чел. в Иркутской, 1 153 чел. в Томской обл., 239 чел. в Красноярском кр., 266 чел. в Курганской обл.). ИПХ и СИ сохраняли принципы конфес. корпоративности и не скрывали своего негативного отношения к институтам власти, поэтому их массовое освобождение произошло позднее по сравнению с мн. др. «контингентами». Окончат. решение об освобождении ИПХ было оформлено Указом Президиума Верховного Совета ССР от 30 окт. 1965.

Лит.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в ССР. 1930–1960. М., 2003; Красильников С.А. Серп и Молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003; Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в ССР. М., 2004.

С.А. Красильников, В.В. Сарнова

СПЕЦПОСЕЛКИ (трудпоселки), поселения особого типа, созданные для размещения в них под надзором спец. органов и на особом режиме содержания категорий депортированных во внесудеб. адм. порядке в период массовых гос. репрессий (1930–53) (см. *Депортации*). С. (с 1933 до нач. Великой Отечественной войны

именовавшиеся трудпоселками) обладали признаками экстерриториальности, на их территории коменданты наделялись властными полномочиями. Согласно статистик е спецорганов, на тер. Зап. Сибири на кон. сент. 1931 почти в 370 поселках размещались 65 164 семьи (295 320 чел.); на дек. 1932 в 492 поселках и 8 *совхозах*, находившихся в ведении *СибЛИАГ ОГПУ*, находилось ок. 229 тыс. чел. При уменьшении числ. *спецпереселенцев* на 22 % шел процесс деконцентрации поселений. Изменения происходили под влиянием разных факторов – от чисто адм. (переселения внутри комендатур из непригодных для проживания мест и расселение круп. поселков) до экономических (приближение поселений к р-нам производств. деят-ти). Из-за просчетов в выборе мест первонач. расселения в 1-й пол. 1930-х гг. приходилось осуществлять вторичные вынужденные переселения в новые поселки значит. массы переселенцев. В теч. 1932 внутрикомендатурному перемещению в *Нарымском окр.* подверглась почти четверть депортированных в регион семей. В 1933–35 в сев. комендатурах ежегодно осуществлялись переселения 2,5–3 тыс. семей. В период формирования сети спецпоселений на севере Зап. Сибири ср. числ. населения 1 поселка достигала 800 чел., к 1938 она снизилась до 267 чел. На смену базовым поселкам- «накопителям» пришли небольшие поселки, являвшиеся прежде всего пунктами размещения неуставных с.-х. и промысл. артелей и лесозаготовит. орг-ций. По сведениям на янв. 1938, на тер. Новосибирской обл. в 510 поселках располагались 50 596 семей (200 782 чел.). На сер. 1938 в *Омской обл.* в 113 поселках содержались 44 378 чел., в Алтайском кр. в 18 поселках – 2 783 чел., в Красноярском кр. в 120 поселках – 58 863 чел., в Иркутской обл. в 42 поселках – 32 211 чел., в Бурят-Монгольской АССР в 5 поселках – 1 945 чел., в Читинской обл. в 73 поселках – 22 745 чел., в Якутской АССР в 8 поселках – 3 988 чел., в Дальневосточном кр. в 128 поселках – 29 276 чел. Всего в вост. регионах страны в кон. 1930-х гг. дислоцировались 2/3 от общей числ. трудпоселков ССР. Летом 1941 почти в 480 поселках Новосибирской обл. размещались 46 984 семьи (1 717 114 чел.), в 9 свеклосовхозах Алтайского кр. – 882 семьи (2 804 чел.), в 95 поселках Омской обл. – 9 220 семьи (36 626 чел.) ссыльных крестьян. Упр-ние С. осуществлялось аппаратами комендатур, имевших двухчленную структуру (ниж. звено – поселковые комендатуры, ср. звено – участковые (район.) комендатуры), в свою очередь подчинявшихся регион. (краевым и обл.) отделам (отд-ниям) спец(труд)поселений ОГПУ–НКВД. В сент. 1933 в комендатурах региона надзор над 326 992 трудпоселенцами осуществлялся штатом комендатур, насчитывавшим 1 237 чел. До пол. персонала составляли сами трудпоселенцы, работавшие на должностях, не связанных с исполнением управленч. функций (статистики, экономисты и др.). Аппарат упр-ния поселками содержался за счет отчислений от заребот. платы «спецконтингентов» (до авг. 1931 – 25 %, до февр. 1932 – 15, позднее – 5 %). В масштабах страны для адм. обслуживания более 1,7 тыс. трудпоселков, объединенных в 800 поселковых и 150 район. комендатур, в 1937 было израсходовано 17 млн. руб. Накануне и в годы войны на фоне сокращения числа трудпоселков гл. обр. за счет снятия с учета молодежи, воен. и труд. мобилизаций взрослого населения происходил значит. рост этнич. ссылки, появились новые категории «спецконтингентов». Наряду с созданием для них новых С. режим содержания предусматривал как доприселение в существующие поселки, так и дисперсное расселение среди мест. населения (немцы, калмыки). Так, в *Томской обл.* на нач. 1947 из 688 С. насчитывалось 225 только из «бывших кулаков», остальные имели смешанное население. В нояб. 1950 дислокация спецкомендатур в вост. части РСФСР была следующей: в Алтайском кр. – 162, Кемеровской обл. – 146, Новосибирской – 115, Томско й – 109, Иркутской – 103, Омской – 96, Тюменской – 88, Читинской обл. – 23, Красноярском кр. – 184, Бурят-Монгольской АСР – 23, Якутской АСР – 37.

Лит.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в ССР . 1930–1960. М.,

2003; *История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов* : Сб. документов: В 7 т. М., 2004. Т. 5.

С.А. Красильников

Историческая энциклопедия Сибири. Т-3.С.164-169.